

Шэнь Цзя шёл домой сквозь опускающиеся сумерки, то и дело безотчётно вглядываясь в далёкую линию горизонта.

Он уже и забыл, каково это — возвращаться с работы в полном одиночестве и коротать вечер наедине с собой. Детский смех и гул у ворот детского сада мгновенно отхлынули, точно приливная волна. Мимо проходили редкие прохожие — безучастные, словно персонажи с заданной программой, они исчезали бесследно, и Шэнь Цзя снова провалился в знакомое ощущение сюрреалистичности происходящего.

Мир казался выцветшим, фальшивым и бесконечно пустым. Всё, что он осязал, будто подёрнулось густым туманом, сквозь который невозможно разглядеть лица.

Тихий писк телефона заставил его замереть. Шэнь Цзя помешкал пару секунд, а затем неторопливо достал экран.

«Цзяцзя, приезжай на этих выходных к маме. Я приготовлю для вас с Лэканом кое-что вкусное».

Шэнь Цзя перечитал сообщение несколько раз, прежде чем смысл слов дошёл до сознания. Иллюзорность моментально рассеялась, обратившись сухой, ледяной реальностью.

Чэнь Лэкан ничего не рассказал Лу Хэ. Шэнь Цзя знал это.

Поначалу у него ещё теплился порыв выложить матери правду, но стоит ли? Едва он понял, что Лу Хэ искренне надеется на их примирение и ждёт «братской любви», это стремление угасло.

Всё бессмысленно.

Откроет он рот или промолчит — Лу Хэ ничего не изменит. Максимум — пожурит Чэнь Лэкана для вида, а потом повернётся к старшему сыну и станет молить о великодушии глазами, полными немного укора и надежды.

От начала и до конца брошенным оставался только он. Только он один.

Даже если он выплеснет всю боль, гневно заявит об обиде — кого волнуют его чувства? В ответ снова прозвучит привычное: «Вы же всё-таки семья».

Шэнь Цзя так и не понял, почему никто, кроме него самого, не признавал за ним простого права — не прощать.

Навалилась свинцовая усталость. Застыв посреди сгущающихся сумерек, он чувствовал себя позабытым ориентиром на обочине чужой жизни: одинокая метка, которая напрасно ждёт, что

за ней вернуться, пока дожди и ветры окончательно не сотрут её след в бурьяне.

— Шэнь Цзя?..

Оклик заставил его вздрогнуть. В груди вспыхнула невольная надежда, тусклый взгляд на миг ожил. Но, обернувшись, он увидел совсем не того, кого жаждал встретить.

Юй Сянхан, заметив фигуру под желтоватым светом фонаря, обрадованно шагнул навстречу:

— Надо же, не ошибся! Я просто решил после работы съездить к детскому саду... Даже не надеялся тебя застать.

Шэнь Цзя обомлел. Порыв ночного ветра обжёг лицо, под кожей разлилась стужа.

Ну конечно. Тот человек не стал бы искать с ним встречи.

— Ты... почему ты так выглядишь?..

Подойдя ближе, Юй Сянхан понял, отчего засомневался сперва. Не прошло и месяца с их последней встречи, а Шэнь Цзя изменился до неузнаваемости. Исхудавший, с ввалившимися щеками. Длинные волосы, прежде всегда аккуратно причёсанные, теперь были небрежно стянуты на затылке и растрепались от ветра.

— Что с тобой стряслось? — с тревогой спросил Юй Сянхан. Разглядывая его побледневшее, посеревшее от холода лицо, он подался вперёд, пытаясь снять с себя шарф и накинуть ему на шею.

— Не надо, — Шэнь Цзя отстранился, изучая бывшего мужа.

Костюм Юй Сянхана выглядел мятым, под глазами залегли тёмные круги — похоже, и у него дела шли неважно.

И что это за сцена? Встреча двух разведённых людей в глухой ночи? Оба разбиты, оба несчастны... Неужели судьба намекает, что им пора откровенно поговорить и возобновить прошлые отношения?

Неужели он обречён всю жизнь связывать себя только с теми, кто его предавал и калечил?

Сжав ледяные пальцы в кулаки, Шэнь Цзя развернулся, чтобы уйти, но Юй Сянхан схватил его за запястье.

— Шэнь Цзя, я много думал в эти дни... По-моему...

Серьёзный тон бывших речей напугал Шэнь Цзя. Он догадывался, к чему ведёт Юй Сянхан, и эти слова были последним, что он хотел слышать.

— Отпусти! Мне пора. Пусти!

Он забился в его руках, содрогаясь всем телом, но Юй Сянхан лишь крепче обхватил его со спины, не давая вырваться:

— Давай начнём всё сначала, а? На этот раз я буду добиваться тебя заново.

Горячее, влажное дыхание у самого уха отозвалось тошнотой. Шэнь Цзя показалось, будто его толкают в зловонную клоаку.

В ушах снова зазвучали эхом звуки того душного летнего дня. Липкие, двусмысленные стоны. Запах, оставшийся в спальне после Юй Сянхана и Чэнь Лэкана.

Но ведь это был его дом!

Дом, о котором он грезил, за которым бережно ухаживал, который так страстно надеялся сохранить! Никто не знал, что в тот миг, когда он застал мужа с любовником, первым чувством была не растерянность от предательства Юй Сянхана, а дикий, животный ужас от потери очага.

Его опять лишили дома. Снова выбросили, растоптали, сделали ненужным. Сколько бы он ни старался, он просто не заслуживал любви.

— Отпусти... Пусти меня...

Он сжал собственное горло, попытался судорожно глотнуть воздуха, но спазм перекрыл дыхание. Перед глазами всё поплыло.

Юй Сянхан в панике разжал объятия. Увидев, что Шэнь Цзя сползает на асфальт, он попытался подхватить его:

— Что... что с тобой?! Шэнь Цзя! Тебе плохо?!

Шэнь Цзя оттолкнул его и рухнул на колени. Зажмурившись, он изо всех сил попытался вспомнить, как выкарабкивался из этого раньше.

"Малыш, задержи дыхание. Посчитай до шести..."

"Вот так, умница. А теперь медленно выдыхай... Ещё немного, и станет легче..."

Низкий, бархатный голос пробился сквозь мрак, разогнав пелену. Зажав рот ладонью, Шэнь Цзя перекрыл вдох, а затем начал осторожно выпускать воздух из лёгких.

Один, два, три, четыре, пять, шесть.

Пережатое горло постепенно расслабилось, кислород хлынул в грудь, и дыхание выровнялось. Опираясь дрожащими руками о землю, он зашёлся сухим кашлем, выплюнув немного слюны, и замер, обливаясь холодным потом.

Юй Сянхан, успевший достать телефон, чтобы вызвать скорую, опустил руку и присел рядом.

Не обращая на него внимания, Шэнь Цзя шатаясь поднялся. Тыльной стороной ладони он оттер губы и выговорил охрипшим голосом:

— Юй Сянхан... Для нас уже давно нет никакого «сначала».

Взгляд, которым он одарил опешившего бывшего мужа, был полнейшим отчуждением и смертельной усталостью. Проскользнув по его лицу, Шэнь Цзя уставился куда-то в непроглядную ночную тьму.

— С той самой минуты, как ты осквернил наш дом, никакой надежды больше нет.

Слова истаяли в ветре, но каждое из них впилося в Юй Сянхана ржавым гвоздём, пригвоздив к месту.

Не ждя ответа, Шэнь Цзя повернулся и шаткой шаркающей поступью ушёл прочь, растворяясь в ночи.

Юй Сянхан не помнил, сколько простоял без движения. В ушах всё звучал отрешённый голос Шэнь Цзя, а перед глазами стояло его измождённое, чужое лицо. Лицо человека, у которого не осталось к нему ни капли чувств.

Юй Сянхан стиснул зубы.

Неправда... Он не верил!

Шэнь Цзя всегда был таким привязчивым. Он столько раз вытаскивал его из бездны! Разве можно вот так взять и перечеркнуть всё разом?

Отступить Юй Сянхан не намеревался. Смириться — тем более. С досады он со всей силы пнул столб фонаря и зло зачесал волосы назад.

Да что с ним такое?! Почему после развода всё пошло наперекосяк?

Сначала проблемы на работе, потом разрыв с Чэнь Лэканом, теперь ещё этот молодой ухажёр крутится возле Шэнь Цзя... Начальство третирует, натянуть на себя улыбку сил нет, а если уволишься — на смех поднимут, где ещё найдёшь такую зарплату. Вот и приходится терпеть ежедневные унижения, пока премии и оклады режут под любыми предлогами.

Словно с уходом Шэнь Цзя на него обрушились все проклятия мира.

Юй Сянхан расстегнул пальто, тяжело выдохнув.

Все беды лишь оттого, что он лишился повседневной заботы Шэнь Цзя. Просто не привык жить без него. Стоит Шэнь Цзя вернуться — и всё наладится. Если проявлять больше упорства, если постараться как следует, Шэнь Цзя непременно сменит гнев на милость.

Немного успокоившись от этих мыслей, Юй Сянхан собрался идти к машине, как вдруг позади вспыхнул ослепительный свет фар.

Он обернулся. Из опустившегося стекла глядел знакомый мужчина.

— Что господин Юй забыл здесь в такой час? — ледяным тоном спросил Чжоу Цзыфэй.

Появление Юй Сянхана возле детского сада, где работал Шэнь Цзя, глубокой ночью не предвещало ничего хорошего.

В груди Юй Сянхана тут же вспыхнула ярость. Ругательство «не твоё собачье дело» уже готово было сорваться с языка, но он вовремя сдержался. Натянув ядовитую ухмылку, он выцедил с вызовом:

— Да вот, только что проводил Цзяцзя до дома, возвращаюсь к себе.

Как-никак, за десять лет совместной жизни он выучил Шэнь Цзя до мелочей и прекрасно видел: в последнее время тот выглядел ужасно. А судя по мрачной физиономии Чжоу Цзыфэя, между ними пробежала чёрная кошка. Вбить между ними клин — милое дело.

Однако Чжоу Цзыфэй на дешёвую провокацию не попался. Прищурившись, он пару секунд разглядывал стоящего на обочине Юй Сянхана, а затем торопливо выбрался из салона.

— Ты чего замыслил? — Юй Сянхан невольно отступил на шаг.

Чжоу Цзыфэй, высокий, широкоплечий, сейчас буквально излучал глухую, опасную ярость, от которой перехватывало дыхание.

— Вы... вы с Шэнь Цзя расстались, да? Раз расстались, какое тебе дело, что я сойду с ним снова? — Почувствовав под ногами твердь, Юй Сянхан перестал отступать. Старые обиды и упрямство вновь взяли верх, и он с вызовом уставился на соперника: — И вообще, вместо того чтобы искать Шэнь Цзя, ты лезешь ко мне. Струсил? Понял, что до наших чувств тебе как до луны, вот и бесишься от бессилия?

Чжоу Цзыфэй остановился напротив. К изумлению Юй Сянхана, на его губах мельком проскользнула улыбка — сухая, полная откровенного презрения.

— Юй Сянхан, ты ничего не перепутал? Я не иду к Шэнь Цзя вовсе не потому, что считаю себя хуже тебя, и уж тем более меня не пугает ваше прошлое. Захоти он — я сорвал бы вашу свадьбу или без зазрения совести влез бы в ваш брак. А уж беситься из-за тебя... — Чжоу Цзыфэй усмехнулся. — Слишком много чести.

— Что?.. Ты знал его ещё раньше?! — Юй Сянхан обомлел, но тут же опомнился: — Бессовестная тварь! Запомни: наши чувства с Шэнь Цзя не разрушить никакой паршивой любовной интрижкой!

Чжоу Цзыфэй сделал шаг вперёд, возвышаясь над ним, и произнёс без единой эмоции:

— Слушай сюда. Если бы я стал третьим лишним в ваших отношениях, меня бы ни капли не мучила совесть. Шэнь Цзя создан для меня, и кроме меня его не достоин никто. А ваша так называемая любовь... Ха. Вам удалось сойтись лишь потому, что такому ничтожеству, как ты, сказочно повезло.

Лицо Юй Сянхана исказилось от бешенства. Замахнувшись, он рванулся с кулаками, но Чжоу Цзыфэй без труда перехватил его руку и с силой толкнул в грудь. Юй Сянхан зашатался и отлетел назад.

Тратить время на эту шваль Чжоу Цзыфэй не собирался. Он развернулся к машине, но Юй Сянхан попытался перегородить путь. Поравнявшись с ним, Чжоу Цзыфэй ненадолго замер.

— На работе завал, верно?

Юй Сянхан обомлел и медленно повернул голову.

— Подумай лучше о том, как бы не вылететь со своего грошового места, — на губах Чжоу Цзыфэя сыграла злая, ядовитая ухмылка.

Юй Сянхан задрожал всем телом:

— Ты...

— Понял? А теперь сгинь.

Усмешка мгновенно сошла с лица Чжоу Цзыфэя, уступив место ледяному отвращению.

Смотря вслед уходящему к машине сопернику, Юй Сянхан стоял как вкопанный, не в силах сообразить, откуда тот знает про его проблемы в компании и за что так люто его ненавидит.

Прежде он полагал, что недовольство вызвано простым соперничеством за бывшего мужа. Но сейчас, услышав эти холодные, беспощадные слова, Юй Сянхан ощутил отчётливую, всепоглощающую ненависть. Желание стереть его в порошок.

По спине прошёл мороз.

Шэнь Цзя неподвижно сидел в тёмной гостиной. В выключенном экране телевизора смутно отражался его собственный силуэт, который медленно растворялся в непроглядной тьме.

Мрак, точно густая грязная вода, просачивался сквозь щели в окнах. Что-то липкое, ледяное оплетало его мысли, утягивая в пучину — незримый, неторопливый яд, затапливающий сознание.

Шэнь Цзя зажмурился, пробуя вызвать в памяти хоть один светлый, радостный миг.

Тщетно.

Сочувственный голос Цзян Хэ, детские улыбки, нежный, полный любви взгляд Чжоу Цзыфэя — всё размывалось, таяло без следа. Зато с ужасающей чёткостью всплывали холодная жестокость Юй Сянхана во время развода, удаляющаяся спина Лу Хэ и перекошенное злобой лицо Шэнь Цяньлуна.

Будущего не существовало. С отчаянием загнанного зверя он понял: он навеки заперт в омерзительных, запятнанных воспоминаниях прошлого.

Что, если... просто исчезнуть?

Если его не станет, больше не придётся сидеть вот так, снося бесконечную пытку, ощущая, как лезвие мелко кромсает каждую жилку.

Мысль о смерти явилась не спонтанно. Она давно пустила корни в его жизни, притаилась в глубине сознания — понятная, привычная, единственная оставшаяся отдушина.

Пусть это случится во сне.

Как и в любую обычную ночь, он тихо уйдёт, пока спит. Быть может, ему даже приснится что-нибудь хорошее, и не придётся больше терпеть эту въедливую боль.

Пройдя в спальню, Шэнь Цзя взял пузырёк с таблетками и замер, точно пытаясь вспомнить пропущенный шаг.

А, точно. Пора спать.

А перед сном нужно принять лекарство.

Он вернулся в гостиную. Пальцы привычно и ровно открутили крышку. На журнальный столик опустил стакан с тёплой водой.

На стене отмеривали такт часы. Их монотонное «тик-так» оставалось единственным мерилom уходящих минут. Шэнь Цзя заворожённо следил за ползущей стрелкой, пока сознание окончательно не утратило чёткость.

Из-за двери донёсся слабый шум — то ли стук, то ли обман слуха.

Он недоверчиво прислушался, пытался разобрать звук, но вокруг снова воцарилась безмолвная тишина.

Впрочем, какая разница?

И он опять уставился на секундную стрелку, совершающую круг за кругом. Когда циферблат показал привычное время отхода ко сну, его накрыло долгожданное умиротворение — чувство выполненного долга.

Шэнь Цзя наклонил флакон, высыпав на ладонь несколько белых таблеток.

— Шэнь Цзя, положи сейчас же!

Дверь с грохотом распахнулась, но Шэнь Цзя даже не повернул головы. Он лишь заторможенно разглядывал белые кругляшки на своей ладони.

Внутренний голос шептал без остановки:

«Пей. Ты ведь просто хочешь поспать. Прими немного, ничего страшного. Даже если случайно проглотить больше нормы — какая разница? В конце концов, это просто смерть. Смерть облегчит жизнь всем. Лу Хэ не придётся мучиться виной и пытаться искупить прошлое. Юй Сяньхан перестанет доносить своими приходами. А Чжоу Цзыфэй...»

При мысли о нём сердце на мгновение сжалось от тупой боли.

«Чжоу Цзыфэй... найдет себе кого-то получше. Здорового, красивого, весёлого. Это же замечательно. Чжоу Цзыфэй обретёт счастье, он ведь такой замечательный, с ним любой будет счастлив. Конечно, сперва он станет тосковать, но быстро справится и снова встретит любовь».

Шэнь Цзя наивно утешал себя, и грусть постепенно уступала место искажённому облегчению.

В этот миг уход из жизни казался ему не побегом и не карой, а единственным правильным поступком, который он ещё способен совершить.

Он сжал таблетки в кулаке и стал медленно подносить их к губам...

— Малыш, молю тебя, не надо...

Хриплый, надрывный шёпот прорезал тишину. Чья-то ледяная ладонь судорожно вцепилась в его запястье. Пальцы отчаянно дрожали, но держали хваткой утопающего.

Шэнь Цзя недоумённо уставился на пришельца. Затуманенный разум отказался узнавать его.

Но эти раскосые, сильные глаза — те самые, что всегда искрились гордостью, любовью и нежностью — сейчас были налиты кровью. В них плескался дикий, унижительный страх, какого Шэнь Цзя никогда у него не видел.

Не то. Всё не то!

Мир Шэнь Цзя рухнул. Обжёгшись этим взглядом, он с диким криком вырвал руку, обхватил голову и спрятал лицо, заходясь в истерическом визге.

Нет! Не смотри!

Он сейчас уродливый, мерзкий, жалкий. Настоящее чудовище из сточной канавы.

Не нужно жалости! Не подходи, не трогай, не люби!

Уходи скорее!

И единственным способом прогнать его оставалось одно — умереть прямо сейчас!

Одержимый безумием, Шэнь Цзя изо всех сил пытался затолкнуть таблетки в рот, но Чжоу Цзыфэй сжал его в стальных объятиях, лишая возможности шевельнуться.

С глазами, застланными кровавой пеленой, задыхаясь от липкого ужаса, точно загнанный в угол зверёк, Шэнь Цзя впился зубами в его запястье.

Чжоу Цзыфэй болезненно выдохнул, но лишь сильнее прижал его к себе, словно пытаясь вплавить в собственное тело.

Лишь когда во рту разлился солоноватый металлический вкус крови, а силы окончательно иссякли, Шэнь Цзя разжал челюсти.

Он обмяк, взмокший от пота, пропитавшего даже свитер.

— Больно... Как же я устал... — едва слышно прошептал Шэнь Цзя. На его бескровных губах алела кровь.

— Всё хорошо. Отдохни немного, и всё пройдёт, — голос Чжоу Цзыфэя сорвался на хрип. Он поднял израненную, окровавленную руку и ласково погладил его по голове.

— Не пройдёт... Ничего уже не пройдёт. — Шэнь Цзя поднял взгляд на Чжоу Цзыфэя. Впервые в его глазах открыто, без утаек, сверкнула такая отчаянная, глубокая ненависть, что она насквозь пробила Чжоу Цзыфэя. — Чжоу Цзыфэй! Я никогда не поправлюсь, да почему ты не можешь понять?!

«Почему ты не понимаешь, что я не стою этого? Я не заслуживаю твоего прихода...»

Эта мысль наотмашь резала горло, обращая его в сплошную рану.

Дрожь в руках Чжоу Цзыфэя усилилась. В полумраке комнаты в его глазах блеснули слезы.

— Не говори так, малыш... Пожалуйста, не надо...

Чжоу Цзыфэй попытался смахнуть слезу с его щеки, но Шэнь Цзя резко оттолкнул его руку.

Вскочив на ноги, он затяжелел от судорожного дыхания, и жёсткие, жестокие слова сами собой хлынули из груди:

— Зачем ты пришёл?! Мы расстались, всё кончено! Ты понимаешь, что значит «расстались»?!

— Уходи! Слышишь? Прочь с моих глаз!

Чжоу Цзыфэй молчал, смиренно принимая этот град обвинений. Он вновь подался вперёд, пытаясь обнять бьющуюся в истерике фигуру, но Шэнь Цзя с отчаянным упорством толкал его в грудь.

Толчок, шаг навстречу, снова толчок, снова шаг.

Эта глухая борьба окончательно лишила Шэнь Цзя рассудка.

— Ты глухой?! Я сказал — убирайся!

— Я ненавижу тебя! Слышишь?! Я... я тебя ненавижу!

Схватив со стола стеклянный стакан, Шэнь Цзя с силой швырнул его в стену. Осколки со звоном разлетелись в стороны, один из них оцарапал щёку Чжоу Цзыфэя, оставив алый порез.

Дзинь.

Шэнь Цзя показалось, будто он сам разбился вдребезги.

Зрачки сузились, лицо пошло мертвенной бледностью. Он сделал шаг вперёд, но ноги подкосились, и он рухнул прямо на пол.

— Я не хочу тебя видеть... — шептал он, сидя среди острой стеклянной крошки. — Пожалуйста, не приходи больше...

Не обращая внимания на ссадину на лице, Чжоу Цзыфэй подхватил его на руки и бережно усадил на диван.

— Зачем ты снова здесь? Скажи, зачем?! — Шэнь Цзя вцепился обеими руками в его воротник,

притягивая к себе, и зарыдал навзрыд: — Ты ведь... ты ведь тогда ушёл! Зачем ты вернулся?!

Он сжимал ткань воротника так, что побелели костяшки, и захлёбывался слезами. Лицо, которое Чжоу Цзыфэй так бережно холил, выглядело осунувшимся и синюшно-палевым.

В эти дни, когда Шэнь Цзя глядел в зеркало, ему казалось, будто он попал в замкнутый круг: разрыв с Чжоу Цзыфэем снова превращал его в того самого брошенного, никому не нужного ребёнка.

— Я не уходил, — тихо и твёрдо произнёс Чжоу Цзыфэй. — Я стоял за дверью всю ночь. И когда в квартире всё затихло, зашёл и перенёс тебя на кровать.

Так вот почему... Вот почему в то утро он проснулся в постели, а на тумбочке стоял стакан воды.

И всё же волна отчаяния захлестнула его с новой силой. Шэнь Цзя прошептал последнюю защиту:

— Я ненавижу тебя...

Чжоу Цзыфэй нагнулся, отводя с его лба прилипшие пряди. Тёплая, сухая ладонь мягко коснулась его ледяной щеки, и он произнёс — чётко, отчеканивая каждое слово:

— А я люблю тебя.

<http://bllate.org/book/19971/1986008>